

Т.О. Маколей

Полное собрание сочинений

Том 3. Критические и исторические опыты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т.О. Маколей**
Полное собрание сочинений: Том 3. Критические и исторические опыты / Т.О. Маколей – М.: Книга по Требованию, 2024. – 367 с.

ISBN 978-5-518-06766-0

Издание книгопродавца-типографа Маврикия Осиповича Вольфа.

ISBN 978-5-518-06766-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛОРДЪ БЭКОНЪ.

(Июль 1837).

The Works of FRANCIS BACON, Lord Chancellor of England. A new Edition. By BASIL MONTAGU, Esq. 16 vols 8-vo. London. 1825 — 1834.
Сочиненія Франсиса Бэкона, лорда-канцлера Англіи. Новое изданіе, Базилъ Монтэгу. 16 т. въ 8 д. Лондонъ, 1825 — 1834.

Мы приносимъ м-ру Монтэгу сердечную благодарность нашу за это истинно-цѣнное произведеніе. Съ мнѣніями, которыя онъ заявляетъ, какъ біографъ, мы часто несогласны. Но о заслугахъ его, какъ собирателя матеріаловъ, изъ которыхъ образуются мнѣнія, не можетъ быть никакого спора; и мы охотно признаемъся, что средствами къ опроверженію того, что мы можемъ считать только ошибками м-ра Монтэгу, мы въ значительной степени одолжены его подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ.

Трудъ, употребленный на этотъ томъ, былъ трудомъ любви. Писатель, очевидно, влюбленъ въ свой предметъ. Этотъ предметъ, наполняющій его сердце, постоянно изливается изъ его устъ и изъ его пера. Кто знакомъ съ судилищами, въ которыхъ м-ръ Монтэгу подвизается съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, тому хорошо извѣстно, какъ часто онъ оживлялъ юридическій споръ, приводя какой-нибудь полный значенія афоризмъ или какую-нибудь блестящую иллюстрацію изъ «*De Augmentis*» или изъ «*Novum Organum*». Находящееся предъ нами «*Жизнеописаніе*», безъ сомнѣнія, обязано значительной долей своихъ достоинствъ честному и благородному энтузіазму писателя. Это чувство возбуждало дѣятельность м-ра Монтэгу, поддерживало его неутомимость, вызвало все его остроуміе и кра-

спорѣчіе; но, съ другой стороны, — мы должны сказать откровенно, — оно въ значительной степени исказило правильность его сужденія.

Мы никакъ не лишены сочувствія къ м-ру Монтэгу, даже и въ томъ, что считаемъ его слабостью. Едва ли какое-либо заблужденіе имѣетъ болѣе права на снисходительность, какъ то, подъ влияніемъ котораго человекъ приписываетъ всякое нравственное превосходство лицамъ, оставившимъ по себѣ несокрушимые памятники своей геніальности. Причины такого заблужденія лежатъ въ современнѣйшихъ тайникахъ челоѳческой природы. Всѣ мы склонны судить о другихъ сообразно производимому ими на насъ впечатлѣнію. Наша оцѣнка какого-нибудь характера всегда много зависитъ отъ того, какимъ образомъ характеръ этотъ дѣйствуетъ на собственные наши интересы и страсти. Мы находимъ труднымъ быть хорошаго мнѣнія о томъ, кто противорѣчилъ или досаждалъ намъ, и готовы допустить всякое извиненіе порокамъ того, кто намъ полезенъ или пріятель. Это, кажется, одно изъ тѣхъ заблужденій, которымъ подверженъ весь родъ челоѳческой и которыя могутъ быть лишь отчасти устранены опытностью и размышленіемъ. На языкѣ Бэкона, это одно изъ *idola tribus*. Отсюда происходитъ, что о нравственной сторонѣ челоѳка, знаменитаго въ литературѣ или изящныхъ искусствахъ, современники часто, а потомство почти всегда, относятся съ необыкновенною благосклонностью. Свѣтъ извлекаетъ удовольствіе или пользу изъ произведеній такого челоѳка. Даже и между современниками, число людей, страдающихъ отъ его личныхъ пороковъ, ничтожно въ сравненіи съ числомъ людей, для которыхъ таланты его составляютъ источникъ удовольствія. Въ нѣсколько лѣтъ исчезаютъ всѣ, кого онъ оскорбилъ. Но произведенія его остаются и служатъ источникомъ наслажденія для милліоновъ. Геній Саллюстія всегда съ нами. Но оскорбленные имъ нумидійцы и несчастные мужья, которые въ неумѣстные часы заставляли его въ домахъ своихъ, забыты. Мы позволяемъ себѣ наслаждаться острою наблюдательностью Кларкндона и трезвою величавостью его слога, пока въ историкѣ забываемъ притѣснителя и ханжу. Фальставъ и Томъ Джонсъ пережили лѣсныхъ сторожей, которыхъ колотилъ Шекспиръ, и содержательницъ тавернъ, которыхъ надувалъ Фильдингъ. Великій писатель становится другомъ и благодѣтелемъ своихъ читателей; и они не могутъ судить о немъ иначе, какъ подъ обманывающимъ влияніемъ дружбы и признательности. Всѣмъ намъ извѣстно, какъ неохотно допускаемъ мы справедливость какого-нибудь позорнаго разсказа о лицѣ, милостива

котораго мы пользовались и общество котораго намъ понутру; какъ долго боремся мы съ очевидностью; съ какимъ восторгомъ, когда факты бывають неоспоримы, цѣпляемся мы за надежду, что есть какія-нибудь возможныя объясненія или смягчающія обстоятельства, которыя намъ неизвѣстны. Точно такое чувство питаетъ образованный челоуѣкъ къ великимъ умамъ прошлыхъ временъ. Долгъ его этимъ умамъ неисчислима. Они направили его къ истинѣ. Они наполнили его умъ благородными и изящными образами. Они сопутствовали ему во всѣхъ превратностяхъ, были утѣшителями въ горѣ, помощниками въ болѣзни, товарищами въ одиночествѣ. Такого рода дружба не подвержена никакой опасности со стороны случайностей, отъ которыхъ другія привязанности слабѣють или разрываются. Время уходитъ; счастье измѣняется; характеры дѣлаются раздражительными; связи, которыя казались ненарушимыми, ежедневно раторгаются изъ-за выгоды, соперничества или капризовъ. Но ни одна изъ подобныхъ причинъ не можетъ вліять на тихую бесѣду нашу съ величайшими изъ умовъ челоуѣческихъ. Спокойное общеніе это не нарушается никакими ревнивыми или злобыными чувствами. Это старые друзья, у которыхъ лицо никогда не мѣняется, которые всегда тѣ же — въ богатствѣ и въ бѣдности, въ славѣ и въ неизвѣстности. Съ умершими нѣтъ соперничества. Умершіе не могутъ для насъ измѣниться. Платонъ никогда не бываетъ угрюмъ. Сервантесъ никогда не бываетъ блажливъ. Демосевенъ никогда не является не во-время. Данте никогда не засиживается у васъ долго. Никакое различіе политическихъ мнѣній не можетъ отчуждить Цицерона. Никакая ересь не можетъ возбудить отвращенія въ Боссюэтъ.

Итакъ, ничто не можетъ быть естественнѣе того, что челоуѣкъ, одаренный впечатлительностью и воображеніемъ, провиакается чувствомъ уваженія и любви къ великимъ людямъ, съ умами которыхъ онъ находится въ ежедневномъ общеніи. Но ничто не можетъ быть достовѣрнѣе того, что люди эти не всегда заслуживали уваженіе и любовь. Нѣкоторые писатели, произведенія которыхъ будутъ до самыхъ отдаленныхъ временъ постоянно поучать и восхищать челоуѣчество, поставлены были въ такія положенія, что дѣйствія ихъ и побужденія такъ хорошо намъ извѣстны, какъ только дѣйствія и побужденія одного челоуѣка могутъ быть извѣстны другому, — и, къ сожалѣнію, поведеніе этихъ писателей было не всегда таково, чтобы могло заслужить одобреніе бездристрастнаго судьи. Но фанатизмъ преданнаго генію поклонника устоитъ противъ всякой очевидности и всякихъ доказательствъ. Характеръ идола составляетъ для

поклонника предметъ вѣры, а въ области вѣры не можетъ быть критики разума. Энтузіастъ держится своего предразсудка съ такимъ безграничнымъ легковѣріемъ и съ такимъ несовѣстливымъ усердіемъ, какіи могутъ встрѣчаться лишь въ самыхъ пламенныхъ приверженцахъ религіозныхъ и политическихъ фикцій. Самыя рѣшительныя доказательства отвергаются; простѣйшія правила нравственности перетолковываются; обширныя и важныя отдѣлы исторіи искажаются цѣликомъ. Энтузіастъ уродуетъ факты со всею наглостью адвоката, смѣшиваетъ правду съ неправдою со всею ловкостью іезуита, — и все это единственно для того, чтобы человѣкъ, лежащій уже нѣсколько столѣтій въ своей могилѣ, могъ быть представленъ въ лучшемъ свѣтѣ, нежели заслуживаетъ.

Миддлѣтоново «Жизнеописаніе Цицерона» служитъ разительнымъ примѣромъ вліянія такого рода пристрастія. Никогда не было характера, который было бы легче разгадать, чѣмъ характеръ Цицерона. Никогда не было ума болѣе проникательнаго и болѣе способнаго въ критику, чѣмъ умъ Миддлѣтона. Біографъ непременно создалъ бы превосходнѣйшую исторію одной изъ самыхъ занимательныхъ эпохъ, если бы внесъ въ оцѣнку дѣятельности любимаго имъ государственнаго человѣка хоть весьма малую долю той проникательности и строгости, которая выказалъ при разборѣ высокихъ притязаній Епифанія и Юстина мученика (1). Но этотъ даровитѣйшій и ученѣйшій человѣкъ,

«So wary held and wise,
That, as't was said, he scarce received
For gospel what the church believed», (2)

имѣлъ своего рода суевѣріе. Великій иконоборецъ былъ самъ идолопоклонникомъ. Великій *Avvocato del Diavolo*, оспаривая съ немалымъ искусствомъ притязанія Кипріана и Афанасія на мѣсто въ календарѣ, самъ сочинилъ живую легенду въ честь

(1) CONYERS MIDDLETON извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ свободно-мыслящихъ теологовъ XVII вѣка. Въ спорахъ своихъ съ Бенгли и въ сочиненіяхъ: «*Fires Inquiry into the Miraculous Powers of the Church*» и «*Letter from Rome*», онъ подробно излагаетъ свои сомнѣнія касательно чудотворныхъ свойствъ членовъ первыхъ христіанскихъ общинъ. на что и ссылается здѣсь Маколей.

(2) Столь осторожный и умный,
Что, какъ рассказывали, врядъ ли считалъ
Евангеліемъ то, во что вѣровала церковь.

св. Туллія. Онъ выставилъ образцомъ всякой добродѣтели чело-
вѣка, котораго талантовъ и познаній дѣйствительно никогда
нельзя преувеличить и который отнюдь не былъ лишенъ при-
влекательныхъ качествъ, но всею душею котораго владѣли дѣ-
вическое тщеславіе и трусость. Поступки, для которыхъ самъ
Цицеронъ, краснорѣчивѣйшій и искуснѣйшій изъ адвокатовъ,
не могъ изобрѣсти никакихъ оправданій, поступки, о которыхъ
онъ съ угрызеніемъ совѣсти и стыдомъ упоминаетъ въ своей
интимной перепискѣ, выставлены его біографомъ какъ муд-
рые, добродѣтельные и геройскіе. Вся исторія той великой рево-
люціи, которая низвергла римскую аристократію, все положеніе
парцій, характеръ всякаго общественнаго дѣятеля — все тща-
тельно изображается въ ложномъ свѣтѣ, для того, чтобы соста-
вить вѣчто похожее на защиту самаго краснорѣчиваго и обра-
зованнаго триммера.

Лежащая предъ нами книга напоминаетъ намъ по временамъ
«*Жизнеописаніе Цицерона*». Но между ними слѣдующее явное
различіе. Д-ръ Миддлтонъ, очевидно, имѣлъ тревожное созна-
ніе неправоты своего дѣла и поэтому прибѣгалъ къ самымъ кри-
водушнымъ уверткамъ, къ непростительнымъ искаженіямъ и
утайкѣ фактовъ. Вѣра же м-ра Монтэгу искренна и слѣпа.
Онъ не употребляетъ никакихъ хитростей. Онъ ничего не скры-
ваетъ. Онъ представляетъ намъ факты въ полной увѣренности,
что они произведутъ на умы наши то же впечатлѣніе, какое
произвели на его умъ. Пристрастіе м-ра Монтэгу доказы-
вается только тогда, когда на основаніи фактовъ онъ прини-
мается разсуждать о побужденіяхъ, и тутъ онъ оставляетъ са-
мого Миддлтона далеко позади. Произведеніе его основано
на предположеніи, что Бэконъ былъ замѣчательно добродѣ-
тельный челоувѣкъ. По дереву м-ръ Монтэгу судить о плодѣ.
Онъ вынужденъ разсказывать многіе поступки, которые, — будь
они совершены кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Бэкона, — никому
бы и не снилось защищать; поступки, которые объясняются
тотчасъ и вполне, при предположеніи, что Бэконъ былъ чело-
увѣкомъ не особенно-строгихъ правилъ и не особенно-высокой
нравственности; поступки, которые инымъ путемъ и не могутъ
быть объяснены, если не прибѣгать къ какой-нибудь странной
гипотезѣ, не имѣющей и тѣни доказательствъ въ свою пользу.
Но, по вѣрнію м-ра Монтэгу, гипотеза вѣроятнѣе, нежели
то, чтобы герой его когда-нибудь совершилъ что-либо весьма
дурное.

Этотъ способъ защищать Бэкона кажется намъ вовсе не-
бэконовскимъ. Принять характеръ челоувѣка за извѣстное и по-

томъ изъ характера заключать о нравственномъ свойствѣ всѣхъ поступковъ человѣка — есть образъ дѣйствій совершенно противоположный тому, который предлагается въ «*Novum Organum*». Ничто, мы увѣрены, не могло бы повести м-ра Монтэгу къ такимъ значительнымъ отступленіямъ отъ наставленій его учителя, кромѣ особенной заботливости о чести послѣдняго. Мы изберемъ иной путь. Мы попытаемся, пользуясь цѣннымъ пособіемъ, доставленнымъ намъ м-ромъ Монтэгу, составить такое описаніе жизни Бэкона, которое давало бы читателямъ нашимъ возможность правильно оцѣнить его характеръ.

Едва ли нужно говорить, что Франсисъ Бэконъ былъ сынъ сэра Николая Бэкона, который, въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ царствованія Елисаветы, былъ хранителемъ большой печати Англіи. Слава сына затмила славу отца. Но сэръ Николай былъ вовсе недюжинный человѣкъ. Онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которыхъ легче характеризовать гуртомъ, чѣмъ порознь, умы у которыхъ были сформированы одною системою образованія, которые принадлежали къ одному классу общества, къ одному университету, къ одной партіи, къ одной сектѣ, къ одному управленію, и которые, въ дарованіяхъ, мнѣніяхъ, привычкахъ и судьбахъ своихъ, были до того похожи другъ на друга, что одна характеристика, — мы едва не сказали: одно жизнеописаніе, — можетъ въ значительной мѣрѣ служить для нихъ всѣхъ.

Они были первымъ поколѣніемъ государственныхъ людей по профессіи, которыхъ произвела Англія. До нихъ раздѣленіе труда было въ этомъ отношеніи весьма несовершенно. Распорядителями общественныхъ дѣлъ были, за малыми исключеніями, вѣдины или духовенство, — воины, которыхъ грубая отвага не была руководима наукою и смягчена гуманностью, — духовенство, котораго знанія и способности посвящены были, по обыкновенію, на защиту тираніи и лжи. Готспуры, Невилли, Клиффорды — грубые, необразованные и неразумительные, вносили въ совѣтъ свирѣпое и повелительное направленіе, которое пріобрѣли среди смутъ хищнической войны или мрачнаго бездѣйствія въ замкахъ, снабженныхъ гарнизономъ и обведенныхъ рвами. Съ другой стороны, являлся смиренный и хитрый прелатъ, свѣдущій во всемъ, что считалось тогда ученостью — пріучившійся въ школахъ владѣть словомъ и въ конфессіоналѣ владѣть сердцами; рѣдко суетливый, но ловко умѣвшій вліять на суетливые другіхъ; лживый, какъ естественно и долженъ быть лживъ человѣкъ, котораго профессія налагала на всякаго, кто не былъ святымъ, необходимость быть лицемеромъ; себялюбивый,

И, какъ естественно и долженъ быть себялюбивъ человекъ, влюбщій возможности связать себя семейными узами и не питающій надежды на законное потомство; болѣе преданный юему ордену, чѣмъ своему отечеству, и управлявшій государственными дѣлами Англїи, постоянно бросая косвенный взглядъ на Римъ.

Но возрастаніе богатства, успѣхи званія и реформа религіи произвели великую перемѣну. Дворяне перестали быть военачальниками, духовенство перестало владѣть монополією званія, — и появился новый и замѣчательный родъ государственныхъ дѣятелей.

Эти люди не происходили изъ тѣхъ классовъ, которые до того времени почти исключительно снабжали государство садовниками. Всѣ они были міряне; но всѣ были люди науки, люди мира. Они не были членами аристократіи. Они не наследовали никакихъ титуловъ, никакихъ обширныхъ помѣстій, никакихъ полчищъ свиты, никакихъ укрѣпленныхъ замковъ. Однако они не принадлежали и къ нисшему классу, подобно тѣмъ людямъ, которыхъ завистливые къ власти дворянства государи возводили иногда изъ кузницы или чеботарни до высшихъ должностей въ государствѣ. Всѣ они были джентльмены по рожденію. Всѣ они получили всестороннее образованіе. Замѣчательно, что всѣ они были членами того же университета. Два великія національныя средоточія науки тогда уже пріобрѣли тотъ характеръ, который каждый изъ нихъ сохраняетъ до сихъ поръ. По умственной дѣятельности и по готовности допускать улучшенія, перевѣсъ былъ тогда, какъ и понынѣ, на сторонѣ менѣе древняго и блестящаго учрежденія. Кембриджъ имѣлъ честь воспитывать тѣхъ знаменитыхъ протестантскихъ епископовъ, которыхъ Оксфордъ имѣлъ честь сожигать, и въ Кембриджѣ образовались умы тѣхъ государственныхъ людей, которымъ преимущественно слѣдуетъ приписать прочное установленіе на сѣверѣ Европы реформированной религіи.

Государственные люди, о которыхъ мы говоримъ, провели молодость свою среди непрерывнаго шума теологическихъ споровъ. Мнѣнія находились еще въ состояніи хаотической анархіи, перемѣшиваясь, раздѣляясь, подвигаясь, отступая. Иногда упорное изувѣрство консерваторовъ, казалось, готово было взять верхъ. Потомъ стремительный натискъ реформаторовъ двигалъ на мгновеніе все передъ собою. Тутъ опять сопротивляющаяся масса дѣлала отчаянное усиліе, останавливала движеніе и медленно обращала его вспять. Шаткость, которая выказывалась въ то время въ англійскомъ законодательствѣ и ко-

торию принято было приписывать своеправію и силѣ одной или двухъ личностей, была въ сущности шаткостью націи. Не въ одномъ только умѣ Генриха новое богословіе брало перевѣсъ сегодня, а завтра возстановлялось опять вліяніе уроковъ мамы и законоучителя. Не въ одномъ только домѣ Тюдоровъ оппозиція жены раздражала мужа, сынъ расходился во мнѣніяхъ съ отцомъ, братъ преслѣдовалъ сестру, одна сестра преслѣдовала другую. Принципы консерватизма и реформы вели свою борьбу въ каждой части общества, въ каждой конгрегаціи, въ каждой школѣ, у очага каждой семьи, въ тайникахъ cadaго мыслящаго ума.

Среди этого-то броженія развились умы людей, которыхъ мы описываемъ. Они родились реформаторами. Они принадлежали отъ природы къ тому разряду людей, которые всегда образуютъ собою передовые ряды великаго умственнаго движенія. Поэтому, всѣ они и каждый изъ нихъ были протестантами. Въ дѣлѣ религіи, — хотя и нѣтъ вовсе основанія сомнѣваться въ ихъ искренности, — они, однако, отнюдь не были ревнителями. Ни одинъ изъ нихъ не желалъ подвергать себя ни малѣйшему риску въ царствованіе Маріи. Ни одинъ изъ нихъ не содѣйствовалъ неудачной попыткѣ Нортумберланда въ пользу ея вѣрности. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ отчаянныхъ замыслахъ Віатта. Они старались приискать себѣ занятіе на материкѣ; если же оставались въ Англіи, то слушали обѣдню и соблюдали постъ съ большою благопрістойностью. Когда прошли эти мрачныя и опасныя времена, и корона перешла къ новому государю, тогда они взялись руководить реформою церкви. Но они дѣйствовали не съ запальчивостью богослововъ, а съ покойною рѣшимостью государственныхъ людей. Они дѣйствовали не такъ, какъ поступили бы люди, считавшіе римское богослуженіе системою, до того оскорбительною для божества и до того гибельною для души, что ее не слѣдовало допускать ни на одинъ часъ. Нѣтъ: они дѣйствовали какъ люди, которые считали спорные пункты между христіанами въ сущности неважными и которыхъ не удерживали никакія угрызенія совѣсти отъ исповѣданія — какъ они прежде это дѣлали — католической вѣры Маріи, протестантской вѣры Эдуарда, или любой изъ многочисленныхъ посредствующихъ комбинацій, созданныхъ своеправіемъ Генриха или рабскою политикою Кранмера, изъ ученій обѣихъ враждебныхъ партій. Они разсудительно вглядывались въ положеніе дѣлъ своей страны и континента, убѣждались въ направленіи общественнаго мнѣнія — и тогда избирали свое мѣсто. Они становились во главѣ протестантовъ Европы и подвергали

риску всю свою славу и всё свои богатства за успѣхъ своей партіи.

Нѣтъ надобности рассказывать, какъ ловко, какъ рѣшительно, какъ славно управляли они политикою Англій въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, полныхъ событій; какъ они преуспѣли въ дѣлѣ соединенія своихъ друзей и разведенія своихъ враговъ; какъ они унизили гордость Филиппа; какъ они поддерживали непобѣдимый духъ Колинъи; какъ они освободили Голландію отъ тираніи; какъ они основали морское величіе своего отечества; какъ они перехитрили искусныхъ политиковъ Испаніи и укротили звѣрскихъ шотландскихъ предводителей. Нельзя отрицать, что они совершили много такихъ дѣлъ, которыя справедливо навлекли бы на государственнаго человѣка нашего времени порицанія самаго серьезнаго свойства. Но если мы примемъ въ соображеніе состояніе нравственности въ ихъ время и безсовѣстный характеръ противниковъ, съ которыми приходилось бороться, то мы должны признать, что имена ихъ не безъ причины составляютъ и по настоящее время предметъ благоговѣнія для соотечественниковъ.

Безъ сомнѣнія, въ ихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ было много различія. Но у нихъ было и сильное семейное сходство. Складъ ихъ умовъ былъ замѣчательно здравый. Ни одна особенная способность не была преимущественно развита; но дѣло было равномерно проникнуто мужественнымъ здоровьемъ и крѣпостью. Они были людьми образованными. Умы ихъ, отъ природы и вслѣдствіе упражненій, были хорошо приспособлены къ теоретическимъ изслѣдованіямъ. Больше обстоятельствами, нежели какимъ-нибудь сильнымъ стремленіемъ наклонностей, были они доведены до принятія значительнаго участія въ практической жизни. Однако никто въ практической жизни не былъ болѣе ихъ чистъ отъ недостатковъ исключительныхъ теоретиковъ и педантовъ. Никто не слѣдилъ внимательнѣе за знаменіями времени. Никто не обладалъ большимъ практическимъ знаніемъ человѣческой природы. Политика ихъ вообще отличалась болѣе бдительностью, умѣренностью и стойкостью, нежели изобрѣтательностью или духомъ предприимчивости.

Складъ ихъ рѣчи, устной или письменной, соответствовалъ ихъ отличному смыслу. Краснорѣчіе ихъ было менѣе плодовито и менѣе замысловато, но гораздо чище и мужественнѣе, нежели краснорѣчіе слѣдующаго поколѣнія. Это было краснорѣчіе людей, жившихъ съ первыми переводчиками Библии и съ авторами Общаго Молитвенника. Оно было свѣтло, величаво, солидно и весьма слабо подернуто той аффектаціей, которая искажала

слогъ талантливѣйшихъ людей послѣдующаго времени. Если — какъ это иногда случалось — эти государственные дѣтели были поставлены въ необходимость принимать участіе въ богословскихъ спорахъ, отъ которыхъ зависѣли тогда драгоцѣннѣйшіе интересы государства, то они исполняли это такъ, какъ будто вся жизнь ихъ проведена была въ духовныхъ академіяхъ и на конвокаціяхъ.

Въ нравѣ этихъ знаменитыхъ мужей было нѣчто, ограждавшее ихъ противъ обратившагося въ поговорку непостоянства какъ двора, такъ и толпы. Никакая интрига, никакой союзъ соперниковъ не могли лишить ихъ довѣрія государя. Ни одинъ парламентъ не вооружался противъ ихъ вліянія. Ни одна толпа не связывала ихъ именъ съ какимъ-нибудь ненавистнымъ притѣсненіемъ. Власть ихъ прекращалась только съ ихъ жизнью. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ представляетъ въ высшей степени замѣчательную противоположность съ судьбою предпримчивыхъ и блестящихъ политическихъ дѣтелей предшествовавшего и слѣдовавшаго за ними поколѣнія. Борлей былъ министромъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Сэръ Николай Бэконъ хранилъ большую печать болѣе 20 лѣтъ. Сэръ Вальтеръ Мельдей былъ канцлеромъ казначейства 23 года. Сэръ Томасъ Смитъ былъ государственнымъ секретаремъ 18 лѣтъ; сэръ Франсисъ Вальсингамъ почти такъ же долго. Всѣ они умерли, занимая должности и пользуясь какъ общественнымъ уваженіемъ, такъ и королевскою милостью. Совершенно иною была судьба Вольсея, Кромвелля, Норфолька, Сомерсета и Нортумберланда. Далекое иное была также судьба Эссекса, Ралея и того, еще болѣе знаменитаго человѣка, жизнь котораго мы намѣрены разсмотрѣть.

Разъясненіе этого обстоятельства заключается, быть можетъ, въ девизъ, который сэръ Николай Бэконъ выставилъ надъ входомъ въ свою залу въ Горгамберн: *Mediocria firma*. Правило это было постоянно присуще его уму и уму его со товарищей. Они больше заботились о глубинѣ закладки фундамента своей власти, нежели о возведеніи постройки до замѣчательной, но непрочной высоты. Ни одинъ изъ нихъ не добивался быть единственнымъ министромъ. Ни одинъ изъ нихъ не возбуждалъ зависти чваннымъ выказываніемъ богатства и вліянія. Ни одинъ изъ нихъ не пытался затмить старинную аристократію королевства. Они не имѣли ребяческой любви къ титуламъ, характеризующей придворныхъ счастливицевъ того поколѣнія, которое предшествовало имъ, и того, которое слѣдовало за ними. Только одинъ изъ поименованныхъ нами людей сдѣланъ